

ИМЕНЕМ РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ
ПОСТАНОВЛЕНИЕ
КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ

ПО ДЕЛУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ВОПРОСА СООТВЕТСТВИЯ СТАТЬИ 300.1
УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ КОНСТИТУЦИИ НА
ОСНОВАНИИ ОБРАЩЕНИЯ РОБЕРТА КОЧАРЯНА И СУДА ПЕРВОЙ
ИНСТАНЦИИ ОБЩЕЙ ЮРИСДИКЦИИ ГОРОДА ЕРЕВАНА

г. Ереван

26 марта 2021 г.

Конституционный Суд в составе А. Диланяна (председательствующий), Г. Товмасына, А. Туняна, А. Хачатряна, Е. Хундкаряна, Э. Шатиряна, А. Петросян, А. Вагаршяна, с участием (в рамках письменной процедуры):

заявителя – представителя Роберта Кочаряна адвоката А. Вардеваняна,

заявителя – суда первой инстанции общей юрисдикции города Еревана,

привлеченного в качестве стороны-ответчика по делу представителя Национального Собрания – начальника Отдела правового обеспечения и обслуживания Аппарата Национального Собрания К. Мовсисяна,

согласно пункту 1 статьи 168, пункту 8 части 1 и части 4 статьи 169 Конституции, а также статьям 22, 69 и 71 Конституционного закона “О Конституционном Суде”,

рассмотрел в открытом заседании по письменной процедуре дело “Об определении вопроса соответствия статьи 300.1 Уголовного кодекса Республики Армения Конституции на основании обращения Роберта Кочаряна и суда первой инстанции общей юрисдикции города Еревана”.

Уголовный кодекс Республики Армения (далее – также Кодекс) принят Национальным Собранием 18 апреля 2003 года, подписан Президентом Республики 29 апреля 2003 года и вступил в силу 1 августа 2003 года.

Оспариваемая по настоящему делу **статья 300.1** Кодекса, озаглавленная “**Свержение конституционного строя**”, устанавливает:

“1. Свержение конституционного строя, то есть фактическая отмена какой-либо нормы, предусмотренной статьями 1-5 или частью первой статьи 6 Конституции, которая проявляется в прекращении действия этой нормы в правовой системе, — наказывается лишением свободы на срок от десяти до пятнадцати лет.

2. Лицо, участвующее в подготовке преступления, предусмотренного настоящей статьей, на этапе его подготовки добровольно сообщившее правоохранительным органам о подготовке преступления, освобождается от уголовной ответственности, предусмотренной настоящей статьей”.

Статья 300.1 Кодекса дополнена Законом НО-53-N, принятым Национальным Собранием 18 марта 2009 года, подписанным Президентом Республики 20 марта 2009 года и вступившим в силу 24 марта 2009 года.

Поводом к рассмотрению дела явились зарегистрированное в Конституционном Суде 20 мая 2019 года обращение суда первой инстанции общей юрисдикции города Еревана на основании вынесенного 20 мая 2019 года по уголовному делу YD/0253/01/19 Определения “Об обращении в Конституционный Суд и приостановлении производства по делу”, а также зарегистрированные в Конституционном Суде 29 мая 2019 года и 4 июня 2019 года обращения Роберта Кочаряна.

Конституционный Суд Процедурным решением от 21 июня 2019 года ПРКС-61 принял к рассмотрению дело “Об определении вопроса соответствия статьи 300.1 Уголовного кодекса Республики Армения статьям 72 и 73 Конституции на основании обращения Роберта Кочаряна”, соединил его с принятым к рассмотрению Процедурным решением от 21 июня 2019 года ПРКС-60 делом “Об определении вопроса соответствия статьи 300.1 Уголовного кодекса Республики Армения статьям 78 и 79 Конституции на основании обращения Роберта Кочаряна” и решил упомянутые дела рассмотреть на одном и том же заседании Суда.

Конституционный Суд Процедурным решением от 8 июля 2019 года ПРКС-72 принял к рассмотрению дело “Об определении вопроса соответствия части 1 статьи 300.1 Уголовного кодекса Республики Армения Конституции на основании обращения суда первой инстанции общей юрисдикции города Еревана”, а рассмотрение дела на основании того же обращения 1) в части определения вопроса соответствия части 1 статьи 300 Уголовного кодекса Республики Армения (в редакции, действующей до нахождения в

силе Закона от 20 марта 2009 года НО-53-N) Конституции и 2) в части толкования статей 56.1 и 57 Конституции (статей 140 и 141 Конституции с изменениями от 2015 года) в контексте статей 78 и 79 Конституции отклонил.

Конституционный Суд Процедурными решениями от 18 июля 2019 года ПРКС-81 и ПРКС-82 на основании статьи 1 Протокола 16 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод обратился в Европейский суд по правам человека для получения консультативного мнения.

Одновременно теми же Решениями на основании Устава Европейской комиссии “За демократию через право” (далее – также Венецианская комиссия) Конституционный Суд обратился также в эту Комиссию для получения консультативного мнения.

Упомянутыми Решениями Конституционный Суд решил соответственно приостановить производство по делу “Об определении вопроса соответствия статьи 300.1 Уголовного кодекса Республики Армения Конституции на основании обращения Роберта Кочаряна” и производство по делу “Об определении вопроса соответствия части 1 статьи 300.1 Уголовного кодекса Республики Армения Конституции на основании обращения суда первой инстанции общей юрисдикции города Еревана” до получения консультативных мнений Европейского суда по правам человека и Венецианской комиссии.

Учитывая то обстоятельство, что консультативное мнение Европейского суда по правам человека было опубликовано 29 мая 2020 года, а консультативное мнение Венецианской комиссии – 18 июня 2020 года, Конституционный Суд своими Процедурными решениями от 22 июня 2020 года ПРКС-136 и ПРКС-137 констатировал, что устранены основания приостановления производств по вышеуказанным делам, и решил возобновить их.

Процедурным решением от 22 июня 2020 года ПРКС-138 Конституционный Суд соединил дело “Об определении вопроса соответствия статьи 300.1 Уголовного кодекса Республики Армения Конституции на основании обращения Роберта Кочаряна” и дело “Об определении вопроса соответствия части 1 статьи 300.1 Уголовного кодекса Республики Армения Конституции на основании обращения суда первой инстанции общей юрисдикции города Еревана” и решил рассмотреть их на одном и том же заседании Суда.

Изучив обращения и другие имеющиеся в деле документы, а также письменные объяснения сторон, проанализировав нормы оспариваемой статьи и взаимосвязанные с ней иные законодательные нормы, Конституционный Суд **УСТАНОВИЛ:**

1. Позиции заявителя

1.1. Заявитель Роберт Кочарян поднял вопрос соответствия статьи 300.1 Уголовного кодекса, озаглавленной “Свержение конституционного строя”, статьям 72, 73, 78 и 79 Конституции.

Ссылаясь на указанные статьи Конституции, на выраженные в ряде постановлений Конституционного Суда правовые позиции, Европейскую конвенцию о защите прав человека и основных свобод (далее – также Конвенция), а также на практику Европейского суда по правам человека (далее – также ЕСПЧ), проанализировав установленное оспариваемой статьей правовое регулирование и сопоставив его с другими законодательными положениями, заявитель считает, что статья 300.1 Кодекса сформулирована недостаточно четко, определенно и не обеспечивает требования, предъявляемые предсказуемости нормы.

По утверждению заявителя, прежде всего, неопределенным и непредсказуемым является термин “прекращение действия конституционной нормы в правовой системе”, и есть необходимость раскрытия его конституционно-правового содержания. В правоприменительной практике предполагаемое нарушение конституционной нормы отождествляется с прекращением действия этой нормы. В указанном случае возможна ситуация, когда любое нарушение соответствующей нормы будет рассматриваться как свержение конституционного строя. Рассматривая термин “правовая система”, заявитель отмечает, что в узком смысле он воспринимается как совокупность правовых актов, при которой прекращение действия нормы проявляется как изменение акта или утрата им силы, что является спорным, учитывая то обстоятельство, что не во всех случаях изменение правового акта или признание его утратившим силу может являться свержением конституционного строя. Помимо этого, на момент принятия статьи 300.1 Кодекса предусмотренные в ней соответствующие конституционные нормы Конституцией в редакции от 2015 года были существенно изменены, и возникает вопрос: при применении на практике статьи 300.1 надо руководствоваться соответствующими

нормами Конституции в прежней или действующей редакции, так как их объекты и рамки регулирования существенно отличаются. При широком толковании в статье не определены те критерии, по которым надо оценивать прекращение действия правовой нормы в правовой системе, в частности: предполагает ли процесс признания конкретной статьи утратившей силу или действия, которые дадут основание предположить, что эти нормы фактически не действуют. Согласно заявителю, не ясен также вопрос продолжительности. Не ясно также, надо ли рассматривать термин “конституционный строй” как более сложное и всеобъемлющее явление или толковать лишь в рамках отдельных статей Конституции. Помимо этого, по мнению заявителя, законодатель установил также совершенно новый подход в аспекте наступающих правовых последствий. В 2008 году не было формулировки “фактически прекратят действие в правовой системе”, что также не соответствует принципу правовой определенности.

Обращаясь к преодолению с помощью правоприменительной практики проблемы в связи с определенностью, заявитель отметил, что начиная с 2009 года нет стабильной судебной практики, касающейся ее толкования, которая обеспечила бы правовую определенность и предсказуемость.

По мнению заявителя, с точки зрения конституционного требования относительно определенности спорными являются также элементы состава преступления статьи 300.1 Кодекса, в числе прочего, учитывая отличия (в том числе существенные) между элементами составов преступлений статьи 300.1 Кодекса и статьи 300 Кодекса в прежней редакции.

В дополнение, заявитель ссылается на стенограммы заседаний Национального Собрания в подтверждение того, что законодательный орган также установил обстоятельство несоответствия указанного положения требованиям правовой определенности.

Обращаясь к вопросу соответствия оспариваемых правовых положений принципу соразмерности, заявитель отмечает, что в указанных правовых положениях законодатель с целью защиты основ конституционного строя установил уголовную ответственность также за такие деяния, которые могут не представлять угрозу основам конституционного строя, в результате чего объективные основания уголовной ответственности по статье 300.1 Кодекса не пригодны и не нужны для достижения установленной Конституцией

цели (указанное заявителем обосновывается также представленным сравнительно-правовым анализом). Относительно равноценности выбранной меры в контексте значения ограничиваемого права и свободы заявитель отметил, что спорной является криминализация таких действий, которые хотя и могут привести к свержению конституционного строя, однако не целенаправлены на отрицание и подрыв основ конституционного строя (не сопровождаются агитацией насилия, нетолерантности, ненависти).

Заявитель, сопоставляя элементы составов преступлений статей 300.1 и 300 Кодекса (в предыдущей редакции), пришел к выводу, что установленные в них рамки конституционного строя не только не соответствуют закрепленным в Конституции рамкам и, по сути, предъявляемым преступлению требованиям в свете статьи 72 Конституции, но также имело место такое существенное изменение элементов состава преступления, что при применении его в отношении предположительно уголовно преследуемых деяний, имевших место в феврале-марте 2008 года, нарушается и было нарушено гарантированное статьей 72 Конституции право заявителя и требование учредителя Конституции, так как оспариваемые положения в феврале-марте 2008 года “на момент совершения преступлением не являлись”.

Одновременно заявитель обратился также к правоприменительной практике в связи со статьями 300 Кодекса в прежней редакции, а также к сравнениям Законодателем указанных Венецианской комиссией составов преступлений, констатируя, что статья 300.1 рассматривается как качественно новый, самостоятельный состав преступления.

В результате, в числе прочего, заявитель приходит к заключению, что предусмотренное статьей 300.1 Кодекса деяние в такой форме и в таком содержании на момент предполагаемого совершения преступлением не являлось, в результате чего выдвижение указанного обвинения, применение заключения под стражу и отсутствие надлежащей оценки проблемы в результате исчерпания средств судебной защиты относительно этого нарушили требования статей 72 и 73 Конституции.

1.2. Заявитель – суд первой инстанции общей юрисдикции города Еревана (далее - Суд) поднял вопрос соответствия части 1 статьи 300.1 Кодекса статьям 72, 73 и 79 Конституции, отмечая, что имеются обоснованные сомнения в том, что подлежащий применению новый закон не только не обеспечивает требование правовой

определенности, но и, в сравнении с прежним законом, является законом, ухудшающим правовое положение лиц.

В частности, при решении вопроса правильного применения прежнего или действующего закона надо сопоставить не только санкции, но и диспозиции. В данном случае, согласно заявителю, прежний и новый законы хотя и предусматривают один и тот же вид и размер наказания, однако в них существенно отличаются диспозиции этих статей – объем диспозиции прежнего закона значительно уже (прежней правовой нормой ответственность устанавливалась за действия, направленные на свержение конституционного строя с применением насилия, между тем действующим регулированием состав преступления предусмотрен также без этого признака (насилие может быть не обязательным элементом предусмотренного данной статьей состава преступления).

Суд отмечает также, что для раскрытия содержания статьи 300.1 Кодекса надо основываться на указанные в этой статье соответствующие статьи Конституции, однако имеется неопределенность, учитывая то обстоятельство, на Конституцию в редакции от какого года (2005-го или 2015-го) надо ссылаться.

Помимо этого, суд считает спорным вопрос о том, возможно ли в контексте объемной и широкой формулировки статьи 300.1 Кодекса проявить соответствующее поведение, в частности, является ли разумно определенным и предсказуемым то, какие действия предполагает “фактическую отмену правовой нормы”, как она может осуществляться, термин “правовая система” употреблен в широком или узком значении, как может быть прекращено действие той же правовой нормы, в частности, может ли прекращение носить эпизодический либо системный, окончательный, либо временный характер?

2. Позиции ответчика

Ответчик, ссылаясь на статьи 1, 72, 73, 78 и 79 Конституции, проанализировав статью 300.1 Кодекса, отмечает, что объективная сторона преступления может проявиться в изменении предусмотренной Конституцией структуры государственной власти, ликвидации отдельных институтов власти и учреждении вместо них новых институтов, отмене демократических принципов правления, нарушении предусмотренного Конституцией порядка формирования отдельных институтов власти, нарушении принципа

разделения и баланса властей, попрании, ограничении прав и свобод человека и гражданина, отмене высшей юридической силы Конституции и непосредственного действия ее норм. Что касается субъективной стороны преступления, ответчик отмечает, что она характеризуется прямым умыслом, где субъектом преступления может являться вменяемое физическое лицо, достигшее 16 лет.

Ответчик добавил, что законодатель в части 2 статьи 300.1 Кодекса, являющейся предметом настоящего конституционно-правового спора, установил поощрительную норму, согласно которой лицо, участвующее в подготовке преступления, предусмотренного частью 1 статьи, на этапе его подготовки добровольно сообщившее правоохранительным органам о подготовке преступления, освобождается от уголовной ответственности, предусмотренной частью 1 статьи.

Ответчик, ссылаясь на статью 3 Кодекса, констатировал, что единственным основанием уголовной ответственности является совершение преступления, из чего следует, что уголовной ответственности подлежит то лицо, совершенное которым общественно опасное деяние прямо предусмотрено какой-либо нормой Особой части Кодекса, и для обеспечения указанного положения необходима правильная квалификация совершенного лицом преступления, с обращением также к порядку квалификации преступления.

Обращаясь к касающимся рамок конституционно-правового спора конституционно-правовым требованиям правовой определенности, соразмерности, предсказуемости и применения обратной силы, ответчик сослался, в частности, на правовые позиции, выраженные Конституционным Судом в Постановлениях ПКС-630, ПКС-753, ПКС-1000, ПКС-1148, ПКС-1270.

Ответчик, исходя из того, что из его заключений и позиций следует, что оспариваемое правовое регулирование закрепленным законодателем соответствующим правовым инструментарием в рамках настоящего конституционно-правового спора обеспечивает полноценную реализацию конституционных требований, находит, что часть 1 статьи 300.1 Кодекса соответствует Конституции.

3. Консультативное заключение Европейского суда по правам человека¹

¹ <https://www.echr.am/resources/echr/judgments/19963d5f567f262c689eab822767f39c.pdf>

Конституционный Суд своими Процедурными решениями от 18 июля 2019 года ПРКС-1081 и ПРКС-1082 на основании статьи 1 Протокола №16 к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – также Конвенция) с целью получения консультативного заключения обратился в Европейский суд по правам человека, выдвинув следующие вопросы: 1. Предъявляются ли те же качественные требования (определенность, доступность, предсказуемость, стабильность) понятию “закон”, устанавливающему преступление, по смыслу статьи 7 Конвенции, и понятию “закон”, употребляемому в иных статьях Конвенции, например в статьях 8-11? 2. Если нет, то по каким стандартам они разграничиваются? 3. Может ли уголовный закон, содержащий ссылку на определенные правовые положения правовых актов, обладающих более высокой юридической силой и более высокой степенью абстрактности, и устанавливающий в силу этого преступление, удовлетворять требованиям определенности, доступности, предсказуемости, стабильности? 4. В соответствии с принципом запрета ретроактивного применения уголовного закона (часть 1 статьи 7 Конвенции) какие стандарты предусмотрены для сопоставления действующего на момент совершения преступления уголовного закона и измененного после этого уголовного закона – раскрытия их содержательных (существенных) сходств или различий?

В Консультативном заключении от 29 мая 2020 года “Об использовании техники “бланкетная ссылка” или “законодательство по ссылке” при определении преступления и стандартах сравнения уголовного закона, действовавшего на момент совершения преступления, и уголовного закона, в который внесены изменения” (запрос номер P16-2019-001) ЕСПЧ, в частности, отметил:

“(…) 77. Закрепленная в статье 7 гарантия, которая является важным элементом верховенства права, занимает важное место в системе защиты Конвенции, что подчеркивается тем фактом, что никакое отступление от нее не допускается в соответствии со статьей 15, кроме как во время войны или при иных чрезвычайных обстоятельствах, угрожающих жизни нации”. Исходя из объекта и цели, он должен толковаться и применяться таким образом, чтобы обеспечивались эффективные гарантии от произвольного преследования, осуждения и наказания (см. *S.W. v. the United Kingdom*, 22 November 1995, § 34, Series A no. 335-B; *C.R. v. the United Kingdom*, 22 November 1995, § 32, Series A no. 335-C; and *Kafkaris [v. Cyprus [GC]*, no. 21906/04], ... § 137[, ECHR 2008]).

78. Статья 7 Конвенции не ограничивается запретом применения уголовного законодательства с приданием ему обратной силы во вред обвиняемому (в связи с обратным применением наказания см. *Welch v. the United Kingdom*, 9 February 1995, пункт 36, Series A no. 307-A; *Jamil v. France*, 8 June 1995, пункт 35, Series A no. 317-B; *Ecer and Zeyrek v. Turkey*, nos. 29295/95 and 29363/95, пункт 36, ECHR 2001-II; and *Mihai Toma 12 v. Romania*, no. 1051/06, пункты 26-31, 24 January 2012). Она также включает в более общем плане принцип, согласно которому только закон может устанавливать преступление и наказание (*nullum crimen, nulla poena sine lege* – см. *Kokkinakis v. Greece*, 25 May 1993, пункт 52, Series A no. 260-A). Хотя она, в частности, запрещает расширять круг имеющихся преступлений за те деяния, которые ранее не являлись преступными, она также устанавливает принцип, согласно которому уголовное законодательство не должно толковаться расширительным образом во вред обвиняемому, например по аналогии (см. *Coëme and Others v. Belgium*, nos. 32492/96, 32547/96, 32548/96, 33209/96 and 33210/96, пункт 145, ECHR 2000-VII; например применение меры наказания по аналогии, см. *Başkaya and Okçuoğlu v. Turkey [GC]*, nos. 23536/94 and 24408/94, пункты 42-43, ECHR 1999-IV).

79. Отсюда следует, что правонарушения и соответствующие наказания должны быть четко установлены законом. Это требование удовлетворяется в том случае, когда лицо из формулировки соответствующего положения может понять, при необходимости с помощью данных судами толкований и после получения соответствующей юридической консультации, за какое действие или бездействие может наступить уголовная ответственность и какое наказание предусмотрено в этом случае (см. *Cantoni v. France*, 15 November 1996, § 29, Reports of Judgments and Decisions 1996-V, and *Kafkaris*, cited above, пункт 140).

80. Следовательно, суд должен выяснить, было ли приведшее к преследованию и осуждению обвиняемого правовое положение, в силу которого это деяние стало наказуемым, в силе на момент совершения деяния и не превышает ли установленное наказание предусмотренные этим положением меры наказания (см. *Coëme and Others*, cited above, § 145, and *Achour v. France [GC]*, no. 67335/01, § 43, ECHR 2006-IV).

(...)

91. Когда статья 7 Конвенции упоминает «закон», она имеет в виду то же самое понятие, на которое указывается во всех других местах Конвенции при употреблении этого термина, идею, подразумевающую требования к качеству законов, включая их доступность и предсказуемость) (см. Kokkinakis, cited above, §§ 40-41; Cantoni, cited above, § 29; Coëme and Others, cited above, § 145; and E.K. v. Turkey, no. 28496/95, § 51, 7 February 2002). Эти качественные требования должны удовлетворяться как при квалификации правонарушения, так и при несении наказания.

92. (...) Одной из стандартных техник регулирования при помощи правил является использование общих классификаций в отличие от исчерпывающих перечней. В связи с этим, многие законы неизбежно формулируются в таких терминах, которые в большей или меньшей степени являются расплывчатыми, и толкование и применение которых являются вопросами практики (см. Kokkinakis, cited above, пункт 40, and Cantoni, cited above, пункт 31). Тем не менее, четко сформулированное правовое положение может существовать в любой правовой системе, в том числе в уголовном праве, и выступать в качестве неотъемлемого элемента судебных толкований. В разъяснении неоднозначных пунктов и адаптации к меняющимся обстоятельствам всегда будет необходимость. И опять хотя определенность крайне необходима, она может привести к чрезмерной жесткости, а закон должен уметь шагать в ногу с меняющимися обстоятельствами (см. Kafkaris, cited above, пункт 141).

93. Предоставленная судам роль заключается также в рассеянии именно таких сомнений в толковании. Прогрессирующее развитие уголовного законодательства посредством становления судебной практики является хорошо внедренной и необходимой частью правовой традиции в странах Конвенции (см. Kruslin v. France, 24 April 1990, пункт 29, Series A no. 176-A). Статья 7 Конвенции не может быть истолкована в качестве запрета на поступенчатое разъяснение правил уголовной ответственности по тому или иному делу, особенно когда дальнейшее развитие созвучно сути преступления и разумно предсказуемо (см. S.W. v. the United Kingdom, cited above, пункт 36; C.R. v. the United Kingdom, cited above, пункт 34; Streletz, Kessler and Krenz [v. Germany [GC], nos. 34044/96 and 2 others, пункт 50], ECHR 2001-II; K.-H.W. v. Germany [GC], no. 37201/97, пункт 85, 22 March 2001; Korbely v. 14 Hungary [GC], no. 9174/02, пункт 71, ECHR 2008; and Kononov v. Latvia [GC], no. 36376/04, пункт 185, ECHR 2010). Отсутствие доступного и

разумно предсказуемого судебного толкования может привести к нарушению даже установленного статьей 7 права обвиняемого (относительно элементов состава преступления см. *Pessino v. France*, no. 40403/02, пункты 35-36, 10 October 2006, and *Dragotoniu and Militaru-Pidhorni v. Romania*, nos. 77193/01 and 77196/01, пункты 43-44, 24 May 2007; as regards the penalty, see *Alimuçaj v. Albania*, no. 20134/05, пункты 154-62, 7 February 2012)”.
(...)

“80. Суд переутверждает, что статья 7 Конвенции безоговорочно запрещает применение обратной силы уголовного закона во вред обвиняемому (см. указанный в 60-ом пункте общий принцип, касающийся основных принципов по делу Дель Рио Прада). Принцип запрета обратной силы уголовного закона распространяется как на устанавливающие правонарушение положения (см. *Vasiliauskas*, указанные выше пункты 165-66), так и на меры наказания (см. *M. v. Germany*, no. 19359/04, пункты 123 и 135-137, ECHR 2009).
(...)

83. В ходе настоящего процесса Конституционный Суд просит Суд выразить мнение касательно применения принципа запрета обратной силы. ... Суд считает довольно интересным свое прецедентное право, касающееся перекалфикации обвинения согласно измененной редакции Уголовного кодекса, вступившего в силу после совершения являющегося предметом рассмотрения деяния. В таких ситуациях Суд в первую очередь пытается определить, продолжается ли правонарушение, учитывая момент совершения правонарушения и момент осуждения.
(...)

85. В таких ситуациях Суд, по существу, рассматривал, были ли эти деяния наказуемыми по действующим на тот момент положениям.

86. Прецедентное право Суда не предусматривает исчерпывающего перечня критериев для сравнения действующего на момент совершения правонарушения и измененного уголовного закона. Тем не менее, можно сделать вывод, что Суд учитывает особые обстоятельства дела, а именно конкретные факты дела, установленные внутригосударственными судами, когда последние оценивали, были ли совершенные деяния наказуемы по действующим на момент их совершения положениям. Более того, в

соответствии с общими принципами своего прецедентного права относительно предсказуемости действующего на момент совершения правонарушения закона Суд учитывал прецедентное право внутригосударственного суда, если оно имелось, разъясняя употребленные в действующем в то время законе понятия (см. *G. v France*, вышеуказанные пункты 25-26, и *Berardi and Mularoni*, вышеуказанные пункты 46-56).

87. В отличие от этого, Суд не обеспокоен официальной классификацией и названием преступлений в уголовном законодательстве (...)

В результате Европейский суд по правам человека, в числе прочего, пришел к заключению, что:

1. (...) Использование техники “бланкетной ссылки” или “законодательства по ссылке” для криминализации действия или бездействия само по себе не противоречит требованиям статьи 7 Конвенции. Ссылающееся положение и положение, на которое ссылаются, рассмотренные в совокупности, должны были предоставлять заинтересованному лицу возможность предвидеть с помощью юридической консультации при необходимости, какое поведение повлечет для лица уголовную ответственность. Это требование применяется также к ситуациям, когда норма, на которую делается ссылка, имеет большую юридическую силу или большую степень абстрактности, чем исходная норма.

2. Наиболее эффективный способ обеспечить ясность и предсказуемость - сделать ссылку точной, а в ссылающуюся норму включить определение состава преступления. Более того, положения, на которые ссылались, не могли расширять пределы криминализации деяния по сравнению с исходной нормой. В любом случае именно суд, применяющий содержащее ссылку положение и положение, на которое ссылались, должен оценить, была ли уголовная ответственность предвидима в обстоятельствах дела.

3. Чтобы установить в целях статьи 7 Конвенции, был ли закон, вступивший в силу после совершения предполагаемого преступления, более или менее благоприятным для обвиняемого, чем закон, действовавший на момент совершения предполагаемого преступления, следует принять во внимание конкретные обстоятельства дела (принцип конкретизации). Если позднее принятый закон являлся более строгим, чем закон, действовавший на момент совершения предполагаемого преступления, он не должен применяться”.

4. Консультативное заключение Европейской комиссии “За демократию через право” (Венецианская комиссия)²

Конституционный Суд своими Процедурными решениями от 18 июля 2019 года ПРКС-1081 и ПРКС-1082 на основании Устава Венецианской комиссии с целью получения консультативного заключения обратился в Венецианскую комиссию, выдвинув следующие вопросы: 1. Содержат ли предусмотренные в уголовных законах государств-членов Венецианской комиссии преступления “против конституционного строя” ссылки на конституции или их конкретные статьи? 2. Как в относимых правовых актах государств-членов Венецианской комиссии, в частности в уголовных законах, описываются термины “конституционный строй”, “свержение конституционного строя”, “присвоение власти” и имеются ли судебные толкования этих терминов? 3. Каковы европейские стандарты требования определенности, предъявляемого устанавливающему преступление закону? 4. Предусмотрено ли законодательствами государств-членов Венецианской комиссии преступление, сходное по своему содержанию с преступлением, предусмотренным статьей 300.1 Уголовного кодекса Республики Армения? 5. Если да, то какой опыт с точки зрения правовой определенности является наилучшим?

На основании указанного в своем принятом на 123-ем пленарном заседании Заключении относительно статьи 300.1 Кодекса (Венеция, 18 июня 2020 года, CDL-AD (2020) 005) Венецианская комиссия, в частности, отметила:

“9. Концепция конституционного строя в государствах-членах Венецианской комиссии почти всегда касается институциональной стороны их конституции. В то время как одни страны употребляют термин конституционный строй, другие предпочитают термины конституционная система или демократия. Часто она предполагает принцип разделения властей, а более конкретно – действия, направленные против нормальной деятельности конституционных органов.

(...)

19. Эти описания предполагают, что в соответствующих государствах-членах конституционный строй касается разных конституционных принципов (таких как суверенитет, территориальная целостность, демократический строй, правовое

² [https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD\(2020\)005-e](https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD(2020)005-e)

государство, верховенство права, юридический формализм, баланс сил), а также включает институты, установленные соответствующими конституциями, и их надлежащее функционирование.

20. (...) Эти преступные действия включают свержение высших государственных институтов (в том числе не ограничиваясь свержением правительства), изменение политических основ, а также различные проявления нарушения территориальной целостности.

(...)

33. (...) “Правовая определенность имеет несколько функций; она помогает обеспечивать мир и порядок в обществе и способствует правовой эффективности, позволяя людям иметь достаточное знание закона для проявления соответствующего поведения. Она также предоставляет лицу возможность оценить, имел ли место произвол в ходе осуществления государственной власти. Она помогает людям организовать свою жизнь, позволяя строить долгосрочные планы и формировать законные ожидания”.

34. (...) правовая определенность зависит от доступности законов (доступность законодательства) и доступности судебных решений (доступность судебных решений). Так как судебные решения могут устанавливать, развивать и разъяснять закон, доступ к этим решениям является составной частью правовой определенности. Ее ограничения допускаются только в случае необходимости защиты прав человека. Последствия закона также должны быть предсказуемыми, что означает, что закон должен быть опубликован до своего применения и его последствия должны быть предсказуемыми, то есть закон должен быть сформулирован с достаточной точностью, чтобы субъекты права смогли проявлять соответствующее поведение. Требуемая степень предсказуемости зависит от характера закона (особенно важна для уголовного законодательства), за чем следует вопрос о том, стабильны и последовательны ли законы ...

35. Запрет обратной силы уголовного закона и требование закрепления в законах достаточно четких и точных определений преступных деяний имеют решающее значение для их применения. В контексте настоящего консультативного заключения в части требования четкости и точности следует отметить, что в этом аспекте неконкретизированная концепция конституционного строя может создавать проблемы. Между тем в большинстве государств-членов кажется есть общий консенсус, который

может касаться возможной критики нечеткой формулировки конституции и законов, по вопросу о том, что из себя представляет этот принцип (конституционный строй, свержение конституционного строя). Анализ полученных Венецианской комиссией материалов относительно общей практики оставления характеристики конституционного строя неопределенной не позволяет сделать вывод, что отсутствие определения этого понятия ведет к нарушению принципа правовой определенности. Если невозможно дать общее определение понятия конституционный строй во всех тех случаях, когда применяется уголовный закон, то следует сослаться на конкретные конституционные положения или четкие конституционные принципы, которые предположительно были нарушены.

36. Статья 300.1 Уголовного кодекса оставляет место для толкования в том аспекте, что означает “фактическая отмена какой-либо нормы, предусмотренной статьями 1-5 или частью 1 статьи 6 Конституции”, что затрудняет выявление аналогичных положений в законодательстве других государств-членов. Помимо этого, предусмотренное этими положениями правовое определение (“что проявляется в прекращении действия в правовой системе”) не конкретизирует ситуацию, что, тем не менее, может быть обусловлен переводом. Для ясности вопрос о “фактической отмене” отсутствует в приводимых ниже комментариях.

(...)

44. Достаточно широко сформулированные преступления государственной измены, мятежа или восстания обычно требуют элемента насилия, силы или угрозы в сочетании с умыслом (или реальной попыткой) направить указанное насильственное или силовое действие против конституционного строя или защищаемых посредством него интересов. Положения, в которых не указывается направленное против конституционного строя насилие и/или подобный умысел, обычно предусматривают более конкретные действия (например, распространение печатных материалов или использование символов неконституционной партии или ассоциации), которые по своей сути считаются антиконституционными.

(...)

49. В ответ на пять вопросов касательно статьи 300.1 Уголовного кодекса РА, устанавливающей наказание за свержение конституционного строя, поставленных

Конституционным Судом РА перед Венецианской комиссией для получения настоящего консультативного заключения, Венецианская комиссия отметила, что материалы, полученные от большинства ее государств-членов, значительно различаются по поднятым вопросам и деталям. Поэтому выводы, представленные в настоящем консультативном заключении, являются лишь предварительными.

50. Касательно преступлений против конституционного строя государства-члены в своих национальных конституциях и законодательствах проявляют различные подходы. Если в государствах-членах существуют такие преступления, и конституция содержит соответствующую ссылку, они часто предусматривают насильственное и незаконное изменение конституции как элемент этого преступления и ссылаются на конституцию в целом. Другие государства-члены прямо ссылаются на обязанность уважать конституционный строй, однако не дают его определения. Тем не менее, похоже нет никаких законодательных положений, содержащих прямую ссылку на конкретные статьи Конституции. Однако большинство (если не все, потому что употребляемые термины могут отличаться) положений уголовных кодексов/законодательств косвенно ссылаются на конституцию, указывая такие конституционные принципы, как суверенитет, территориальная целостность, демократия и выборы или определенные конституционные институты, например парламент. Следовательно, кажется, что касательно преступлений “против конституционного строя” нет какой-либо прямой ссылки на конституции, однако можно сделать вывод, что на них есть косвенные или предполагаемые ссылки.

51. Термины конституционный строй, свержение конституционного строя, присвоение власти как таковые кажется не установлены в законодательствах большинства государств-членов. Многие государства-члены, но не все, рассматривают преступление, связанное со свержением конституционного строя, в качестве государственной измены, то есть преступный умысел обманным, насильственным и незаконным путем изменить Конституцию или фактическую попытку сделать это, что не всегда требует фактического свержения конституционного строя.

52. Есть недостаток в прецедентном праве относительно понятий конституционного строя, свержения конституционного строя и присвоения власти, что свидетельствует о том, что в основном регулирующие эти понятия законодательные положения до сих пор не применялись. Это в свою очередь свидетельствует о том, что не

имеется наилучшая практика касательно фактических обстоятельств, при которых обвинения в аналогичных преступлениях, особенно обвинения в государственной измене, рассматривались бы в государствах-членах. Что касается запрета обратной силы уголовного закона и требования о предусмотрении четких и точных определений уголовных преступлений в законодательстве, то критика относительно нечеткости понятий конституционного строя и свержения конституционного строя может быть смягчена осознанием того, что среди государств-членов Венецианской комиссии существует конвергенция (одинаковый подход) - оставлять эти понятия неопределенными и не четко сформулированными. Поэтому нельзя сделать вывод о том, что является наилучшей практикой с точки зрения правовой определенности. Тем не менее, учитывая этот принцип и принцип соразмерности, представляется разумным ожидать, что чем шире сформулировано законодательное положение, тем больше внимания следует уделять личным свободам и основным правам обвиняемого. Такое положение следует толковать узко с учетом принципа *dubio pro reo* (обвиняемый не может быть осужден, если по-прежнему существуют сомнения в его виновности)”.

5. Обстоятельства, подлежащие установлению в рамках дела

Для определения вопроса соответствия статьи 300.1 Кодекса Конституции в рамках настоящего дела Конституционный Суд считает необходимым выяснить, в частности, вопрос, соответствует ли оспариваемая статья конституционным принципам определенности и соразмерности, и, в связи с этим, гарантированы ли основные права, закрепленные в статьях 72 и 73 Конституции.

6. Правовые позиции Конституционного Суда

6.1. Согласно статье 72 Конституции “никто не может быть осужден за такое действие или бездействие, которое в момент совершения не являлось преступлением. Не может быть назначено более строгое наказание, чем то, которое подлежало применению в момент совершения преступления...”.

Согласно статье 73 Конституции “1. Законы и иные правовые акты, ухудшающие правовое положение лица, обратной силы не имеют. 2. Законы и иные правовые акты,

улучшающие правовое положение лица, имеют обратную силу, если это предусмотрено этими актами”.

Согласно части 1 статьи 7 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее - Конвенция) “никто не может быть осужден за совершение какого-либо деяния или за бездействие, которое согласно действовавшему в момент его совершения национальному или международному праву не являлось уголовным преступлением. Не может также налагаться наказание более тяжкое, нежели то, которое подлежало применению в момент совершения уголовного преступления”. Причем важность закрепленной в статье 7 Конвенции гарантии подчеркивается также тем, что даже в случае войны или при иных чрезвычайных обстоятельствах, угрожающих жизни нации, отступление от указанного правила недопустимо (часть 2 статьи 15 Конвенции).

Указанное правило нашло отражение также в Кодексе, в частности в статье 12, согласно которой:

“1. Преступность и наказуемость деяния определяются уголовным законом, действующим во время его совершения.

2. Временем совершения преступления считается время осуществления общественно опасного действия (бездействия), независимо от момента наступления последствий”.

Согласно статье 13 Кодекса “(...) 2. Закон, устанавливающий преступность деяния, усиливающий наказание или иным образом ухудшающий положение лица, совершившего преступление, обратной силы не имеет”.

Правило “нет преступления и наказания, если оно не установлено законом (*nullum crimen, nulla poena sine lege*)” является получившим всеобщее признание принципом и международного, и внутригосударственного права и рассматривается как один из стержневых элементов верховенства права.

Общее правило действия правовых актов во времени, которым отклоняется возможность обратного действия правовых актов, преследует правомерные цели, оно может гарантировать права человека, обеспечить принципы правовой определенности, правовой безопасности, стабильность общественных отношений и т.д.

Аналогичную правовую позицию Конституционный Суд выразил также в своем Постановлении от 29 ноября 2011 года ПКС-1000, в частности, закрепив, что “сопоставительный анализ частей 3-6 статьи 22, а также частей 3 и 4 статьи 42

Конституции РА свидетельствует о том, что регламентирование Конституцией РА действия правовых актов во времени основывается на той логике, что отклонение действия обратной силы правовых актов является **общим правилом**, а возможность действия этих актов с обратной силой – **исключением из общего правила**. Этот подход следует из соображений правовой определенности, легитимных ожиданий от законодательства, гарантирования прав человека, предупреждения произвола со стороны правоприменительных органов”.

Причем, исключения в свою очередь различны: (1) когда учредитель Конституции **исключает возможность проявления законодателем какого-либо усмотрения**, устанавливая *прямое требование* обратной силы (закон, отменяющий наказуемость деяния или смягчающий наказание, имеет обратную силу (статья 72 Конституции), и (2) когда *полномочие придания обратной силы* правовому акту, улучшающему правовое положение лица, *оставляется на усмотрение компетентного (принимающего этот акт) органа* (законы и иные правовые акты, улучшающие правовое положение лица, имеют обратную силу, если это предусмотрено этими актами (часть 2 статьи 73 Конституции). В этих случаях также Конституционный Суд подтверждает выраженную в Постановлении ПКС-1000 правовую позицию о том, что *придание обратной силы правовому акту, допустимо в исключительных случаях, и решение принимающего данный акт органа о придании обратной силы этому акту должно основываться на всестороннем анализе и оценке возможных правовых последствий подобного решения для общества и государства*.

Конституционно-правовое требование, согласно которому закон, устраняющий наказуемость деяния или смягчающий наказание, имеет обратную силу, получил отражение также в статье 13 Кодекса: “1. Закон, устраняющий преступность деяния, смягчающий наказание или иным образом улучшающий положение лица, совершившего преступление, имеет обратную силу, то есть распространяется на лиц, совершивших соответствующее деяние до вступления такого закона в силу, в том числе на лиц, отбывающих наказание или отбывших наказание, но имеющих судимость”. Частью 3 той же статьи регулируются те случаи, когда одним и тем же законом ответственность и частично смягчается, и частично усиливается. Для подобных случаев, исходя из сущности статьи 72 Конституции, законодатель установил, что “закон, частично смягчающий

ответственность и одновременно частично усиливающий ответственность, имеет обратную силу только в той части, которая смягчает ответственность”.

Конституционный Суд в своем Постановлении от 14 февраля 2017 года ПКС-1348 обращаясь к содержанию положения “закон, отменяющий наказуемость деяния или смягчающий наказание, имеет обратную силу” третьего предложения статьи 72 Конституции, озаглавленной “Принцип законности при установлении преступлений и назначении наказаний”, констатировал:

“(…) во-первых, учредитель Конституции для законов, отменяющих наказуемость деяния или смягчающих наказание, предусматривает **особый порядок их действия** во времени, то есть такие законы распространяются на соответствующие отношения, возникшие до вступления в силу этих законов;

во-вторых, в отличие от **других законов**, улучшающих положение лица, учредитель Конституции обратную силу отменяющего наказуемость деяния закона **не обуславливает** обстоятельством **ее предвидения этими законами**;

в-третьих, в рамках правового регулирования, закрепленного непосредственно действующим вышеупомянутым конституционно-правовым положением, учредитель Конституции требование применения обратной силы закона, отменяющего наказуемость деяния, распространяет, в числе прочих, на всех тех вовлеченных в уголовно-процессуальные и уголовно-исполнительные процессы лиц, наказуемость деяния которых отменена, и действие этого конституционно-правового принципа не обусловлено той или иной уголовно-процессуальной или уголовно-исполнительной стадией, что отражено также в части 1 статьи 13 Уголовного кодекса РА, согласно которой закон, устраняющий преступность деяния, смягчающий наказание или иным образом улучшающий положение лица, совершившего преступление, имеет обратную силу, **то есть распространяется на лиц, совершивших соответствующее деяние до вступления такого закона в силу, в том числе на лиц, отбывающих наказание или отбывших наказание, но имеющих судимость**;

в-четвертых, исходя из конституционно-правовых требований того, что неотчуждаемое и незыблемое достоинство человека — неотъемлемая основа его прав и свобод, и из принципа непосредственного действия основных прав, **применение в отношении лица обратной силы отменяющего наказуемость деяния закона**

предполагает, что исчезают все возникшие для лица в результате применения устанавливающего наказуемость деяния закона неблагоприятные правовые последствия, то есть применение в отношении лица обратной силы отменяющего наказуемость деяния закона восстанавливает положение, существовавшее до применения устанавливающего наказуемость деяния закона;

(...)

в-седьмых, применение обратной силы отменяющего наказания закона непосредственно касается таких основных прав лица, как права на судебную защиту и справедливое судебное разбирательство, и как процессы установления преступлений и назначения наказаний, так и процесс отмены наказуемости деяния должны быть основаны не только на принципе законности при установлении преступлений и назначении наказаний, закрепленном в статье 72 Конституции РА, но и на обеспечении непосредственного действия конституционно-правовых требований эффективной судебной защиты основных прав и свобод, определенности и соразмерности ограничения основных прав и свобод, так как согласно части 3 статьи 3 Конституции РА “публичная власть ограничена основными правами и свободами человека и гражданина, являющимися непосредственно действующим правом” (пункт 6 Постановления ПКС-1348).

Конституционный Суд констатирует, что хотя в статье 7 Конвенции непосредственно не закреплено правило применения обратной силы более мягкого уголовного закона, однако ЕСПЧ в деле Скоппола против Италии (*no.2*) [GC] (no. 10249/03 от 17 сентября 2009 г.), исходя из анализа статьи 7 Конвенции, пришел к заключению, что “...пункт 1 статьи 7 Конвенции гарантирует не только принцип отсутствия обратной силы у более строгого уголовного закона, **но и подразумевает придание обратной силы более мягкому уголовному закону**. Этот принцип воплощен в положении о том, что при наличии различий между уголовным законом, действовавшим в момент совершения преступления, и последующим уголовным законом, введенным в действие до вынесения окончательного приговора, суды обязаны применять закон, положения которого более благоприятны для подсудимого.

Более того, в пункте 82 Консультативного заключения ЕСПЧ констатировал также, что “хотя требование применения обратной силы более мягкого уголовного закона в общем аспекте и было сформулировано по делу Скоппола (номер 2), следует отметить,

что это требование было разработано и впоследствии применялось **в контексте изменений в применяемых штрафах или применении наказания** (см., например, *Gouarré Patte v. Andorra*, no. 33427/10, пункты 28-36, 12 января 2016 г., и *Koprivnikar v. Slovenia*, no. 67503/13, пункт 59, 24 января 2017 г.). По делу Пармак и Бакир против Турции (номер 22429/07 и 25195/07, пункт 64, 3 декабря 2019 г.) Суд впервые пришел к выводу, что принцип применения обратной силы *более мягкого уголовного закона* применяется также в контексте изменения, связанного с установлением правонарушения”.

Одновременно Конституционный Суд констатирует, что действие “нового” уголовного закона (без возможности какого-либо усмотрения) ретроактивностью распространяется на такие возникшие до принятия правоотношения (случаи), когда:

- 1) *новый уголовный закон полностью или частично отменяет преступность деяния (полная декриминализация, частичная декриминализация);*
- 2) *новый уголовный закон смягчает наказание;*
- 3) *новый уголовный закон иным образом улучшает положения совершившего преступление лица.*

Конституционный Суд считает необходимым отметить, что не каждое изменение уголовного закона приводит к криминализации/декриминализации деяния, смягчению/ужесточению наказания или иным образом улучшает/ухудшает положение совершившего преступление лица.

В контексте вышеизложенного Конституционный Суд находит, что установление нового состава преступления для того или иного проявления уже преступного деяния и его применение в отношении лица **может быть созвучно статьям 72 и 73 Конституции только в том случае, когда этот новый состав преступления не расширил круг признанного преступным деяния.**

6.2. В каждом конкретном случае выбор подлежащего применению закона делается в результате сопоставления времени совершения деяния и времени действия подлежащего применению закона. Конституционный Суд находит, что однозначно, что исключительная компетенция проведения такого сопоставления предоставлена осуществляющему производство по уголовному делу органу с соблюдением указанных выше Конституционным Судом принципов, учитывая то обстоятельство, что только осуществляющему производству органу доступны обстоятельства каждого конкретного

дела, информация об обстоятельствах, подтверждающих или опровергающих факты совершения преступного деяния, его длительности и времени наступления последствий, о круге лиц, предположительно совершивших преступное деяние и ином, которая в своей целостности позволит решить вопрос применения конкретного положения уголовного закона во времени.

Подобную позицию выразил и ЕСПЧ в своем Консультативном заключении по настоящему делу, в частности, отметив, что:

“88. Таким образом, сравнение уголовного закона, действовавшего на момент совершения преступления, и измененного уголовного закона должно проводиться компетентным судом не путем абстрактного сопоставления определений преступления, а с учетом конкретных обстоятельств дела.

(...)

“90. Хотя принцип конкретизации был разработан в судебных делах, связанных с изменением соответствующих штрафов, однако Суд, принимая во внимание вышеуказанные соображения (см. пункты 87-88), считает, что тот же принцип применяется и к тем случаям, когда имеет место сравнение определений преступления между моментом его совершения и последующим изменением”.

91. ...В компетенцию национальных судов входит сравнение правовых последствий возможного применения статьи 300.1 Уголовного кодекса РА от 2009 г. и статьи 300 Уголовного кодекса РА, который действовал на момент явившихся предметом рассмотрения событий, в свете предполагаемых действий или бездействия обвиняемого и других особых обстоятельств дела. ...

92. Суд, следовательно, придерживается того мнения, что в целях статьи 7 Конвенции, если закон, вступивший в силу после совершения предполагаемого преступления, является более или менее благоприятным для обвиняемого, чем закон, действовавший на момент совершения предполагаемого преступления, следует принять во внимание конкретные обстоятельства дела (принцип конкретизации). Если позднее принятый закон являлся более строгим, чем закон, действовавший на момент совершения предполагаемого преступления, он не должен применяться”.

6.3. Согласно статье 79 Конституции “при ограничении основных прав и свобод законы должны устанавливать основания и объем этих ограничений, быть в достаточной

мере определенными, чтобы носители и адресаты этих прав и свобод были в состоянии проявлять соответствующее поведение”.

Конституционный Суд во многих своих постановлениях обращался к конституционному принципу определенности. По настоящему делу также Конституционный Суд подтверждает свои выраженные, в частности, в Постановлении от 15 ноября 2019 года ПКС-1488 следующие правовые позиции:

1) “...закон также должен соответствовать той правовой позиции, выраженной в ряде решений Европейского суда по правам человека, согласно которой какая-либо правовая норма не может считаться “законом”, если она не соответствует принципу правовой определенности (...), то есть не сформулирована достаточно четко, чтобы позволить лицу скорректировать свое поведение” (ПКС-630);

2) “принцип правового государства, в числе прочего, требует также наличия правового закона. Последний должен быть достаточно доступным для того, чтобы субъекты права имели возможность в соответствующих обстоятельствах определить, какие правовые нормы применяются в данном случае. Норма не может считаться “законом”, если она не сформулирована достаточно четко, что позволило бы физическим и юридическим лицам корректировать свое поведения в соответствии с ней – они должны иметь возможность предвидеть последствия, которые могут возникнуть в результате данного действия.

Важным фактором для оценки предсказуемости закона также является обстоятельство наличия или отсутствия противоречий между различными регулированиями, регламентирующими данные отношения” (ПКС-753);

3) “Конституционный Суд считает, что в условиях отсутствия существенных различий между правонарушениями, указанными в статье 63 Судебного кодекса РА и статье 314.1 Уголовно-процессуального кодекса РА, и составом преступления, указанным в оспариваемой норме, лицо лишается возможности предвидеть правовые последствия своего поведения, что не исходит из принципов предсказуемости и определенности закона” (ПКС-851);

4) “Конституционный Суд находит, что в правовом государстве, в рамках признания принципа верховенства права, закрепленные в законе правовые регулирования должны сделать для лица предсказуемыми его правомерные ожидания...” (ПКС-1148);

5) “одним из важнейших признаков закрепленного в статье 1 Конституции РА правового государства является верховенство права, одними из основных требований обеспечения которого являются принцип правовой определенности и регулирование правовых отношений исключительно такими законами, которые отвечают определенным качественным признакам – являются четкими, предсказуемыми, доступными” (ПКС-1270);

6) “в контексте ряда иных Постановлений (ПКС-630, ПКС-1142), обращаясь к принципу правовой определенности, Конституционный Суд счел, что данный принцип необходим, чтобы участники соответствующих отношений могли в разумных пределах предвидеть последствия своего поведения и были уверены как в неизменяемости своего официально признанного статуса, так и в вопросе приобретенных прав и обязанностей (ПКС-1439);

7) (...) Позиции относительно принципа правовой определенности закреплены в ряде постановлений Конституционного Суда, в частности, в Постановлениях ПКС-630, ПКС-753, ПКС-1270, из которых следует, что Конституционный Суд рассматривает принцип правовой определенности как одно из главных требований верховенства права, которое является важнейшим признаком установленного статьей 1 Конституции правового государства, и действие упомянутого конституционно-правового принципа распространяется на все законы, независимо от того, они ограничивают основное право или регулируют реализацию основного права (ПКС-1357).

Обращаясь к принципу правовой определенности, Конституционный Суд в своих постановлениях высказал правовые позиции относительно того, что, в частности, какая-либо правовая норма не может считаться “законом”, если она не сформулирована достаточно четко, что позволит гражданину скорректировать с ней свое поведение (ПКС-630), закон должен быть достаточно доступным, чтобы субъекты права имели возможность в соответствующих обстоятельствах определиться, какие правовые нормы применяются в данном случае (ПКС-753), употребляемые в законодательстве понятия должны быть точными, определенными и не приводить к разнохарактерным толкованиям или путанице (ПКС-1176, ПКС-1449);

8) “...Конституционный Суд считает, что принцип правовой определенности предполагает как наличие по возможности четкого правового регулирования, так и

обеспечение его предсказуемости. В частности, формулировка правового регулирования должна дать лицу не только возможность сформировать свое поведение в соответствии с ним, но и возможность предвидеть, какими могут быть действия публичной власти и какие последствия повлечет применение данного правового регулирования.

...Конституционный Суд считает, что, наряду с предусмотрением требования определенности закона, невозможно предусмотреть регулирование всех вопросов исключительно законом, по этой причине в этом вопросе особенно важно четкое толкование закона судебными инстанциями.

Конституционный Суд подтверждает выраженную им в Постановлении от 03.05.2016 г. ПКС-1270 правовую позицию о том, что “даже при максимально четкой формулировке правовой нормы судебное толкование не исключается. Необходимость разъяснения правовых норм и приведения их в соответствие с изменяющимися обстоятельствами – развивающимися общественными отношениями всегда существует. Следовательно, *определенность и четкость законодательных регулирований не могут быть абсолютизированы – даже недостаточная четкость может быть восполнена толкованиями суда*”. Вышеизложенное подтверждается также правовыми позициями Европейского суда по правам человека, в частности в Решении по делу Бусуек против Молдовы (Case of Busuioc v. Moldova, application no. 61513/00, 21/12/2004) Суд нашел, что “...хотя определенность формулировок весьма желательна, необходимо избегать чрезмерной жесткости, так как право должно обладать способностью следовать за меняющимися обстоятельствами. Поэтому во многих законах используются термины, которые в большей или меньшей мере являются неопределенными. Их толкование и применение – задача судебной практики” (ПКС-1452);

9) “Конституционный Суд в своем Постановлении от 9 июня 2015 года ПКС-1213 установил, что “...правовые регулирования, закрепленные в законе в рамках признания принципа верховенства права, должны сделать для лица предсказуемыми его правомерные ожидания. Кроме того, принцип правовой определенности, являясь одним из основополагающих принципов правового государства, предполагает также, что действия всех субъектов правоотношений, в том числе носителей власти, должны быть предсказуемыми и правомерными” (ПКС-1475).

Подтверждая и развивая свои правовые позиции, Конституционный Суд находит, что:

1) *правовая определенность является также важным элементом правовой безопасности*, который, в числе прочего, обеспечивает доверие к публичной власти и ее институтам;

2) в правовом государстве защита доверия к дальнейшему существованию действующего правопорядка должна быть гарантирована исключительно посредством определенных, то есть *предсказуемых, четких и доступных всем законодательных регулирований*;

(...)

4) нарушение публичной властью принципа определенности непосредственно влияет на принцип верховенства закона и существенно снижает степень свершенности правового государства;

5) четкость, предсказуемость и доступность законов, ограничивающих основные права или свободы, прямо пропорциональны степени ограничения основного права: **чем более интенсивным является это ограничение, тем более четкими, предсказуемыми и доступными должны быть формулировки упомянутых законов**, чтобы не создавать двусмысленности для частных лиц в вопросе содержания и наличия запретов, иных ограничений или возложенных на них обязанностей;

6) учитывая множество насущных вопросов и невозможность отреагировать на все ситуации нормотворческим путем, требование определенности законодательных и подзаконных регулирований не исключает закрепление неопределенных правовых понятий в законах и подзаконных нормативно-правовых актах, однако это обязательно должно сопровождаться равноценным толкованием подобных понятий, а в аналогичных случаях – их единообразным толкованием, без чего невозможно констатировать предсказуемость этих положений (...)

6.4. Одновременно, обращаясь к установленному Кодексом требованию определенности, предъявляемому бланкетной норме, Конституционный Суд констатирует, что особенность норм, содержащих бланкетную диспозицию, проявляется в том, что они не могут реализовываться самостоятельно, то есть они не являются

самостоятельными регуляторами общественных отношений и их социальная регулирующая функция может осуществляться только в совокупности с иными нормами.

Конституционный Суд констатирует, что во многих положениях Кодекса делаются ссылки на установленные другими законодательными актами дефинитивные нормы, однако бланкетные диспозиции, содержащие ссылку на конкретные статьи конкретного закона или их части, кроме оспариваемой статьи, предусмотрены также в ряде иных статей Кодекса (в частности, в статьях 190.2, 314.3, 353.1 и др.).

Надо отметить, что к проблеме бланкетных диспозиций Кодекса Конституционный Суд обратился в своем Постановлении от 16 апреля 2019 года ПКС-1453, выразив следующие правовые позиции:

- “В правоприменительной практике возникают проблемы, когда законодатель вносит изменения не непосредственно в уголовный закон, а в то межотраслевое законодательство, которое так или иначе определяет содержание уголовно-правовых запретов или пределы уголовного наказания. Эти сложности обусловлены тем обстоятельством, что в формальном аспекте они не считаются изменением уголовного закона. Однако надо учитывать, что в статье 72 Конституции употребляется не термин “уголовный закон”, а термин “закон”. Как из буквального, так и из системного толкования вышеуказанного положения следует, что правило исключения обратной силы закона распространяется также на те законы, к которым отсылает бланкетная норма Кодекса”;

- “...в тех случаях, когда законодатель при изложении уголовного закона отсылает к нормам иных законов, то они в определенной мере становятся источником уголовного права. Нормативно-правовые акты, к которым отсылает уголовно-правовая бланкетная норма или предполагается подобная отсылка, существенно влияют на правовое содержание преступления и рамки применения уголовной ответственности за это преступление. Таким образом, **любое изменение в тех законах, к которым отсылает бланкетная норма Кодекса, может привести к расширению, сужению или отмене уголовной ответственности.** В любом случае, хотя только уголовный закон, соединяя все элементы состава преступления, устанавливает преступность деяния, тем не менее уголовный закон необходимо рассматривать в единстве с бланкетными нормами. Следовательно, **правило обратной силы закона, отменяющего наказуемость деяния**

или смягчающего наказание, касается также тех законов, к которым отсылает бланкетная норма Кодекса”;

– “согласно статье 3 Кодекса единственным основанием уголовной ответственности является совершение преступления, то есть деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного уголовным законом. Субъект состава преступления является одним из четырех элементов состава преступления, отсутствие хотя бы одного из которых свидетельствует об отсутствии состава преступления, тем самым исключает преступность и наказуемость данного деяния. Например, если вследствие законодательных изменений должность лица исключена из перечня военнослужащих, то предъявление этому лицу обвинения за преступление, направленное против порядка военной службы, нарушит установленные статьей 72 Конституции правовые гарантии.

Следовательно, уголовный закон имеет обратную силу также в тех случаях, когда имеет место частичная декриминализация в аспекте субъектного состава, то есть когда из субъектного состава исключаются такие субъекты, для которых прежним законом была установлена уголовная ответственность.

Указанное толкование Конституционного Суда касается не только оспариваемых по настоящему делу части 1 статьи 310.1 и статьи 314.3 Кодекса, но и предусмотренного Кодексом любого иного деяния”.

6.5. Статьи 1 и 2 Конституции неизменяемы. Остальные конституционные нормы, на которые ссылается оспариваемая по настоящему делу статья 300.1, хоть и оставляют такое впечатление, что тексты Конституции с изменениями от 2005 г. и 2015 г. явно имеют один и тот же предмет регулирования, вместе с тем **они подверглись существенным контентным изменениям.**

Конституционные нормы по своей сути отличаются от других правовых норм тем, что им характерны еще большая стабильность, внутренняя самодостаточность и они отражают социально-политические, правовые реалии того исторического периода, когда они принимаются. Конституция с момента принятия до изменений 2015 года характеризовалась как жесткая Конституция, любое изменение норм которой производится по наиболее сложной процедуре.

В Концепции конституционных реформ, опубликованной в 2014 году Специализированной комиссией по конституционным реформам при Президенте

Республики Армения, касательно проведения реформ в соответствующих конституционных нормах с целью наилучшей реализации являющихся основами конституционного строя принципов демократии, верховенства права, разделения властей ее авторами приводится ряд весомых концептуальных обоснований. Системный анализ текстов оспариваемых норм Конституции в редакциях от 2005 и 2015 годов в Концепции свидетельствует, что авторы, а в дальнейшем учредитель Конституции в лице граждан РА, обладающих избирательным правом, дали существенно новое содержание упомянутым конституционным нормам.

6.6. ЕСПЧ в Консультативном заключении по настоящему делу выразил позицию, согласно которой “74. Использование техники “бланкетной ссылки” или “законодательства по ссылке” для криминализации действия или бездействия само по себе не противоречит требованиям статьи 7 Конвенции. Ссылающееся положение и положение, на которое ссылаются, рассмотренные в совокупности, должны были предоставлять заинтересованному лицу возможность предвидеть с помощью юридической консультации при необходимости, какое поведение повлечет для лица уголовную ответственность. Это требование применяется также к ситуациям, когда норма, на которую делается ссылка, имеет большую юридическую силу или большую степень абстрактности, чем исходная норма”. Конституционный Суд, сопоставив выраженные им выше позиции и упомянутые позиции ЕСПЧ, констатирует, что *само по себе наличие бланкетной нормы в уголовном законодательстве не проблематично. Единственным существенным принципиальным обстоятельством является то, что и положения уголовного закона, и положения того закона, на который делается отсылка, вместе взятые должны предоставить заинтересованному лицу возможность воспринимать элементы состава правонарушения и четко предвидеть, какие действия (бездействие) приведут к ответственности.*

В данном случае Конституционный Суд констатирует, что обстоятельство невнесения законодателем **длительное время** соответствующих изменений в оспариваемую статью Кодекса после конституционных изменений 2015 года как для правоприменителя, так и для заинтересованного лица создает проблемы в связи с правовой определенностью.

На основании вышеизложенного Конституционный Суд находит, что **постольку, поскольку статья 300.1 Кодекса бланкетной нормой отсылает к действующим на**

момент ее принятия, однако измененным в момент применения нормам Конституции, она является проблематичной с точки зрения установленного статьей 79 Конституции принципа правовой определенности, так как не позволяет лицу составить четкое представление о составляющих элементах предусмотренного Кодексом соответствующего состава преступления и четко предвидеть, какие его действия (бездействие) вызовут уголовную ответственность.

6.7. Конституционный Суд считает особо важным то обстоятельство, что вопрос неопределенности употребляемых в оспариваемой статье понятий поднимает также суд, рассматривающий дело по существу. В частности, Суду не понятен употребляемый в оспариваемой статье термин “*фактическая отмена нормы*”, который должен проявиться в “*прекращении действия этой нормы в правовой системе*”. Суду не ясно, термин “*правовая система*” употреблен в широком или узком значении, *прекращение действия правовой нормы* должно носить эпизодический либо системный окончательный или временный характер.

В этом аспекте Конституционный Суд считает необходимым прежде всего отметить, что в законодательстве РА не закреплено нормативное содержание термина “*правовая система*”. Он возник и был употреблен в теории права и характеризуется как целостность нормативной системы права (совокупность норм права), обеспечивающих претворение в жизнь права структур (учреждений) и идейно-правовых элементов (правовой культуры, правовой доктрины, правового сознания).

Конституционный Суд находит, что оспариваемая статья в этом смысле не может иметь достаточную степень правовой определенности, учитывая то обстоятельство, что даже при наличии судебного толкования термина на практике трудно представить, что когда-либо можно будет претворить в жизнь оспариваемую статью и предъявить какому-либо лицу обвинение в фактической отмене одного из элементов, являющихся составной частью правовой системы, например, одной из основ конституционного строя в общественном или индивидуальном правосознании.

Что касается того значения термина “*правовая система*”, которое сводится к тому, что она является регулятором общественных отношений, целостностью стабилизирующих их правовых мер и механизмов, то есть поэтапной институциональной системой, обеспечивающей претворение в жизнь права (его использование, исполнение,

соблюдение, правоприменение в широком смысле), то и в этом случае не отпадают сомнения относительно удовлетворения оспариваемыми правовыми положениями требования принципа определенности.

Норма не могла бы иметь достаточную степень определенности и быть воспринимаемой для правоприменителя, если бы даже “правовая система” воспринималась как “система права”. Правовой формой выражения системы права как совокупности правовых норм, абстрагированного понятия является законодательство. Это означало бы, что имело место прекращение действия нормы в законодательстве. Прекращение действия нормы в законодательстве может иметь место только в результате определенных формально-правовых официальных процедур, установленных Конституцией и законами. Прекращение действия нормы в этом аспекте имеет место, например, когда она отменяется, в судебном порядке признается недействительной, истекает срок ее действия, прекращаются регулируемые данной нормой общественные отношения и т.д. Между тем до этого в статье 300.1 Кодекса подчеркивается “фактическая отмена” нормы.

Конституционный Суд находит, что употребленные законодателем в описанной диспозиции формулировки “фактическая отмена нормы” (положение “de facto”) и “прекращение действия этой нормы в правовой системе” (положение “de jure”) при любом толковании не могут находиться в логико-правовой взаимосвязи друг с другом. Предполагаемые этими формулировками положения находятся в смысловом противоречии, так как положение “de facto” отмены нормы не может само по себе привести к положению “de jure” прекращения нормы. Иначе говоря, формулировка диспозиции такого состава преступления, как свержение конституционного порядка, дана законодателем, в числе прочего, в несовместимой совокупности различных терминов.

Таким образом, оспариваемое положение, которое предусматривает более интенсивное вмешательство в основное право лица на личную свободу, сформулировано настолько неопределенно, что не позволяет понять его смысл, может привести к непредсказуемому, следовательно, также произвольному применению, и позволяет расширить границы преступления, что обусловлено обстоятельством отсылки к конституционным нормам, имеющим слишком высокую степень абстрактности. Высокая степень абстрактности сама по себе не была бы проблематичной, если бы диспозиция

состава преступления была сформулирована четко и позволила бы разумно отождествить способ выражения описываемого деяния.

6.8. Конституционный Суд во многих своих постановлениях обращался также к конституционному принципу соразмерности. Он закреплен в статье 78 Конституции, согласно которой “меры, выбранные для ограничения основных прав и свобод, должны быть пригодными и необходимыми для достижения цели, установленной Конституцией. Меры, выбранные для ограничения, должны быть соразмерны значению ограничиваемых основных прав и свобод”.

Конституционный Суд в своем Постановлении от 18 июня 2020 года ПКС-1546, обобщая свои предыдущие относимые позиции, детально прокомментировал содержание этого основополагающего конституционного принципа, обеспечив как для законодателя, так и для правоприменительных органов надлежащие предпосылки его равноценного восприятия и реализации. Еще раз подтверждая эти свои принципиальные правовые позиции, Конституционный Суд считает необходимым выделить из них следующую: **чем интенсивнее ограничение основного права или свободы лица, тем больше бремя обоснования этого ограничения.**

В рамках настоящего дела существенное значение имеет системная связь принципа соразмерности с принципом определенности. К этому вопросу Конституционный суд обратился также в своем вышеупомянутом Постановлении. Ссылаясь на Постановления ПКС-917 и ПКС-1488, Конституционный Суд отметил, что пригодность меры, выбранной ограничивающим основным право законом, в первую очередь зависит от обстоятельства соответствия иным требованиям Конституции относительно ограничений основных прав и свобод, особенно конституционному принципу определенности.

Таким образом, в одном случае нечеткость законодательной формулировки (ПКС-1488), а в другом случае недостаточную обоснованность предметными критериями (ПКС-917) Конституционный Суд оценивает как *отсутствие надлежащих предпосылок* гарантирования соразмерности ограничения конкретного основного права.

С точки зрения установления объективной стороны преступления, содержания норм, содержащих ссылку, понятийной путаницы, нечеткой формы выражения преступления законодатель не выбрал меру, пригодную для достижения легитимной цели защиты конституционного строя. То есть выбор норм Конституции законодатель не обосновал

предметными критериями, а некоторые выбранные им нормы могут иметь постоянно меняющееся содержание в зависимости от возможности их широкого толкования. Помимо этого, вследствие толкования этих законодательных регулирований возникла непреодолимая путаница с точки зрения юридической силы нормы, ее существования и фактического влияния в правовой системе, рассматривая фактическую отмену нормы как форму выражения прекращения ее правового действия.

Таким образом, Конституционный Суд находит, что оспариваемая статья несовместима с статьями 78 и 79 Конституции.

Исходя из результатов рассмотрения дела и принимая за основание пункт 1 статьи 168, пункт 8 части 1 и часть 4 статьи 169, статью 170 Конституции, а также статьи 63, 64, 69 и 71 Конституционного закона “О Конституционном Суде”, Конституционный Суд **ПОСТАНОВИЛ:**

1. Статью 300.1 Уголовного кодекса Республики Армения признать противоречащей статьям 78 и 79 Конституции и недействительной.
2. Согласно части 2 статьи 170 Конституции настоящее Постановление окончательно и вступает в силу с момента опубликования.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ

А. ДИЛАНЯН

26 марта 2021 года
ПКС-1586

Перевод сделан издательско-переводческим отделом
Конституционного суда Республики Армения